

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в РФ. – М.: Проспект, 2003. – С. 67.
2. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма // Новое время. – 1994. – № 14. – С. 58.
3. Романов Р.М. Понятие и сущность парламентаризма // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 213.
4. Керимов А.Д. Французский парламентаризм: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – С. 16.
5. Булгаков О.Н. Государственная власть и местное самоуправление. – М., 2003. – С. 12-17
6. Шмитт К. Политическая теология. – М.: Проспект, 2000. – С. 184.

Земченков Николай Федорович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 888634371631.

Zemchenkov Nikolai Fedorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: kaf_gp@tsure.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +788634371631.

ББК 374.00

Е.Г. Козарук

**СУДЕБНЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ
КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ**

Проанализировав за последние годы влияние судебной практики по применению норм гражданского законодательства, о возможности возмещения морального вреда, причинённого вследствие умаления деловой репутации юридического лица, можно сделать вывод о недостаточности взаимодействия между различными ветвями судебной власти. В статье автор указывает на различное толкование юридической конструкции «моральный вред», что приводит не только к судебным ошибкам, но и чревато опасностью в дальнейшем дискредитировать институт компенсации морального вреда.

Моральный вред; юридическое лицо; прецедент; деловая репутация; нематериальный вред; репутационный вред; нематериальные убытки; европейский суд по правам человека.

E.G. Kozaruk

**THE JUDICIAL APPROACH TO THE QUESTION ON POSSIBILITY OF
COMPENSATION OF INDEMNIFICATION OF MORAL HARM TO LEGAL
BODIES**

Having analysed during the last years judiciary practice influence on application of norms of the civil legislation, on possibility of compensation of the moral harm caused owing to belittling of business reputation of the legal person, it is possible to draw a conclusion on insufficiency of interaction between various branches of judicial authority. In article the author specifies «moral harm» in various interpretation of a legal design. It results not only in miscarriages of justice, but also to danger further to discredit institute of indemnification of moral harm.

Moral harm; the legal body; precedent; business reputations; non-material harm; harm of business reputation; non-material loss; The European court under human rights.

Несмотря на то, что судебная практика как система результатов, итогов судебной деятельности обобщается и закрепляется в тех или иных руководящих разъяснениях Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, она по-прежнему не относится к источникам права. Однако фактически прецеденты толкования правовых норм, возникающие в процессе толкования судебными органами (Конституционным судом, Верховным судом, Высшим Арбитражным судом), существуют в Российской правовой системе. Как правильно отметил С.В. Потапенко, судья Верховного суда РФ, в первую очередь это проявляется в Постановлениях Пленума Верховного суда, разъяснения, содержащиеся в постановлениях, имеют конституционную основу, поскольку в силу ст. 126 Конституции РФ Верховный суд даёт разъяснения по вопросам судебной практики. Такому статусу разъяснений Пленума Верховного суда РФ должно соответствовать их практическое значение, в связи с чем при осуществлении правосудия они должны учитываться судами общей юрисдикции, так как являются для них обязательными [1].

Анализируя за последние годы с позицией её влияния на применение норм гражданского законодательства, по вопросу возможности возмещения морального вреда, причинённого вследствие умаления деловой репутации юридического лица, в ряде случаев позволяет сделать вывод о недостаточности взаимодействия между различными ветвями судебной власти, о различном толковании дефиниции «моральный вред», что не только приводит к судебным ошибкам, но и чревато опасностью в дальнейшем дискредитировать институт компенсации морального вреда.

В своём выступлении на Всероссийском Съезде судей, посвящённом 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека, Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин отметил, что уникальность нашей судебной системы заключается в том, что в отличие от многих других стран, где существуют специализированные суды, в нашей стране две ветви судебной власти – суды общей юрисдикции и арбитражные суды – применяют одни и те же нормы материального права. При этом В.Д. Зорькин особо обратил внимание на то обстоятельство, что имеется расхождение в понимании и произвольности применения правовых норм, на основании которых решается возможность возмещения морального вреда юридическому лицу, что порождает множество проблем для лиц, обращающихся за судебной защитой и является нарушением конституционно признанного равенства всех перед законом и судом [2]. Стоит заметить, что различаются подходы ВАС РФ и ВС РФ по данному вопросу в следующем. В связи с изданием постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц», которое было долгожданным не только в правоприменительной практике, но и отечественной доктрине, судебная практика претерпела существенные изменения. Вызвано это, прежде всего тем что п. 15 Постановления Пленума Верховного суда № 3, содержит положение о том, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица, тем самым Верховный суд РФ подтвердил свою правовую позицию, содержащуюся в п. 5 Постановления от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», в части, касающейся деловой репутации юридических лиц.

Между тем, Высший Арбитражный суд выработал свою позицию в вопросе возмещения морального вреда юридическому лицу, которая заключается в неприменимости к юридическим лицам концепта «моральный вред», и соответственно невозможности удовлетворения требования о компенсации такого вреда. В резуль-

тате таких противоположных трактовок в решении проблемы возмещения юридическим лицам компенсации морального вреда правоприменительная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов расходится в данном вопросе. Создалась парадоксальная ситуация: юридические лица «страдают» в судах общей юрисдикции, получая за свои «страдания» компенсацию, но в то же время не испытывают «страданий» в арбитражных судах.

Казалось бы, Конституционный суд РФ поставил точку в затянувшемся споре между судами общей юрисдикции и арбитражными судами в дискуссионном вопросе по взысканию компенсации морального вреда юридическому лицу, высказав свою позицию в Определении от 4 декабря 2003 г. по жалобе гражданина Шлафмана В.А. на нарушение конституционных прав положениями п. 7 ст. 152 ГК РФ. Однако Автор разделяет точку зрения А.М. Эрделевского, что данное Определение Конституционного суда ещё больше вызвало общественный резонанс, в особенности со стороны средств массовой информации, в связи с его способностью оказать влияние на применение судами общей юрисдикции и арбитражными судами норм гражданского законодательства при рассмотрении дел, связанных с защитой гражданских прав вообще и деловой репутации юридических лиц в частности [3].

Следует заметить, что не совсем понятно, почему Конституционный суд, обладая так называемым «судебным авторитетом» в правоприменительной практике, не воспользовался правом законодательной инициативы, а всего лишь высказал своё мнение по данному вопросу, которое по нашему мнению порождает ещё больше правовых проблем при решении вопроса возмещения морального вреда юридическим лицам.

Правовая позиция Конституционного суда РФ по существу проблемы возможности требования юридическим лицом возмещения морального вреда, в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию, раскрывается в части 5 п. 2 Определения, где указано следующее: «Применимость того или иного конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав к защите деловой репутации юридических лиц должна определяться исходя именно из природы юридического лица. При этом отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе и нематериальных, причинённых умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего своё собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причинённого гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положении ст. 45 (часть 2) Конституции РФ, в соответствии с которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом [4].

Приведённая в Определении Конституционного суда РФ аргументация относительно сложившейся спорной ситуации стала трактоваться как в пользу Верховного суда РФ, так и Высшего Арбитражного суда РФ. Выражается это в следующем. Установив, что содержание нематериального вреда, причинённое юридическому лицу не идентично содержанию морального вреда, причинённого физическому лицу, фактически можно признать, что Конституционный суд стал на позицию Высшего Арбитражного суда, которая заключается в неприменимости к юридическим лицам концепта «моральный вред». Означает ли это, что Конституционный суд РФ не придерживается позиции предложенной в п. 5 Постановления от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», заключающегося в предложении о применимо-

сти института компенсации морального вреда для защиты деловой репутации юридического лица? По мнению А.М. Эрделевского, представляется вполне правильным суждение Конституционного суда РФ о невозможности претерпевания юридическим лицом того морального вреда, понятие которого раскрывается в ст. 151 ГК РФ, должно означать непринятие Конституционным судом РФ толкования п. 7 ст. 152 ГК РФ [5]. Автор не совсем разделяет данную точку зрения, поскольку, вместе с тем, Конституционный суд РФ признаёт, что юридическому лицу, наряду с материальным вредом можно причинить и нематериальный вред, в соответствии с чем у юридического лица возникает право предъявления о компенсации нематериального вреда, причинённого умалением его деловой репутации. Другой вопрос в том, что в гражданском законодательстве отсутствует легальное определение так называемого «нематериального вреда», причинённого деловой репутации юридического лица, более того, отсутствует механизм его денежной компенсации, которая должна быть соразмерна причинённому вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации, приведя организацию, выпускающую СМИ к банкротству, что вносит неопределённость в разграничение вопросов ведения между высшими Российскими органами судебной власти, объективно затрудняет принятие решений по существу.

Возвращаясь к определению Конституционного суда РФ от 4 декабря 2003 г., необходимо отметить, что появление термина «нематериальные убытки» было заимствовано из практики Европейского суда по правам человека, которая и оказала влияние на правовую позицию Конституционного суда РФ к данной проблеме. Высказываются мнения относительно того, что при введении данного термина был использован перевод английского варианта решения Европейского суда по делу "Компания Комингерсол С.А." против Португалии", где действительно применяется термин «non-pecuniary damage», однозначно переводимый как «нематериальные убытки». Во французском варианте данное понятие значит несколько иначе (*dommage moral*) и соответствует русскому определению «моральный вред». В любом случае Конституционный суд РФ в указанном Определении использовал не существующее в современной российской юриспруденции (и, что важнее, вообще в каком-либо из действующих законов, включая Гражданский Кодекс РФ) понятие «нематериальные убытки», т.к. согласно ст. 15 ГК РФ, убытки в гражданском обороте всегда материальны. В своём Определении, Конституционный суд сослался на решение Европейского суда по правам человека от 6 апреля 2000 г., по делу "Компания Комингерсол С.А." против Португалии", ставшее главным прецедентом возмещения "нематериального вреда" в пользу юридического лица, и возникшего из-за того, что более 20 лет суды Португалии не могли произвести взыскание по вексельному требованию в пользу истца. ЕСПЧ пришел к выводу о том, что суд не может исключить возможность присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальные убытки, которые "могут включать виды требований, являющиеся в большей или меньшей степени "объективными" или "субъективными". Среди них необходимо принять во внимание репутацию компании, неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией (для которых не существует четкого метода подсчета) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании [6]. В решении Европейского суда по этому делу подчеркивается, что взыскание денежной компенсации с Португалии – единственный способ для суда понудить правительство выполнить требования нарушенной нормы Конвенции. Иными словами, такое взыскание не является вторжением во внутреннее законодательство стран-участниц и потому не дает национальным судам прав, которых у них не было до этого дела, а возможно исключительно в рамках компетенции Ев-

ропейского суда. Фактически можно признать, что выводы Европейского суда в деле «Комингерсоль против Португалии» означают, что потерпевшей стороной в деле возмещения компенсации морального вреда может быть как физическое, так и юридическое лицо.

На сегодняшний день, как не парадоксально это прозвучит, судебная практика по вопросу возмещения компенсации морального вреда юридическому лицу по-прежнему неоднозначна, противоречива, и за последние несколько лет кардинальных изменений не произошло, несмотря на активные обсуждения этой проблемы, как на теоретическом, так и законодательном уровне. Более того, введение новых терминов, таких как «нематериальный вред» и синонимичное данному понятию «репутационный вред», «нематериальные убытки», ещё больше порождает дискусионных споров по данному вопросу, ввиду отсутствия единообразной правоприменительной практики, в связи с чем, не все юридические лица имеют возможность применять к ним нормы о компенсации морального вреда. Возникает вопрос, а целесообразно ли вообще выделять такую категорию, как репутационный вред, носящий нематериальный характер, ведь как мы видим, на практике при определении его размера возникают те же проблемы, что и при определении размера морального вреда, кроме того, не все суды считают понятия «моральный вред» и «репутационный вред» синонимами, что приводит к неблагоприятным последствиям, отмене решений нижестоящих судов, отказе в удовлетворении исковых требований.

По нашему мнению, для того чтобы урегулировать затянувшийся спор в правоприменительной практике, целесообразнее всего законодательно закрепить право юридического лица на защиту деловой репутации, при этом выработать механизм доказывания наличия убытков и определения их размеров, уточнив круг субъектов деловой репутации, что позволит сделать единообразной правоприменительную практику по делам о возмещении компенсации морального вреда, причинённой умалением деловой репутации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Потапенко С.В.* Новая правовая позиция Верховного суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Гражданское законодательство РФ как правовая среда гражданского общества: Материалы Международной научно-практической конференции: В 2 т. Краснодар: Просвещение - Юг, 2005. – Т. 1. – С. 169.
2. *Зорькин В.Д.* Выступление на VII Всероссийском съезде Судей // Российская Юстиция. – 2009. – № 1. – С. 6.
3. *Эрделевский А.М.* О подходе Конституционного суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. – 2005. – № 4. – С. 111.
4. Определение Конституционного суда РФ от 4 декабря 2003 года № 508 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана В.А. на нарушение его конституционных прав п. 7 ст. 152 Гражданского Кодекса РФ» // Вестник Конституционного суда РФ. – 2004. – № 3.
5. *Эрделевский А.М.* О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. – 2005. – № 4. – С. 112.
6. Информация о деле «Комингерсоль С.А. против Португалии» от 6 апреля 2000 года. // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. – 2001. – № 2. – С. 56-60.

Козарук Елена Геннадьевна

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: miss_keglya@list.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 888634371631; +79185148993.

Kozaruk Elena Gennadievna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: miss_keglya@list.ru.

44, Nekrasovskiye, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +788634371631; +79185148993.

ББК 67.08

С.Н. Макаренко**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В РОССИИ**

Количество действующих на сегодня в России федеральных, региональных и ведомственных документов приближается к миллиону. Справочно-правовые системы (СПС) обеспечивают возможность оперативной работы с ними. Наиболее известные СПС «Гарант», «Консультант плюс», «Кодекс», «Референт». Их развитие, распространение и совершенствование – важная задача формирования правового сознания и повышения эффективности правовой системы Российской Федерации.

Справочно-информационная система; информационные технологии; нормативно-правовая база; банки правовой информации; интегрирование правовых баз.

S.N. Makarenko**HISTORY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL-REFERENCE SYSTEMS IN RUSSIA**

The quantity of federal for today in Russia federal, regional Russia federal, regional and departmental documents comes nearer to one million. Legal-reference systems (LRS) provide possibility of operative work with them. The most known LRS "Guarantors", «the Consultant plus», "Codex", "Referent". Their development, distribution and perfection – the important problem of formation of the right consciousness and increase of efficiency of legal system of the Russian Federation.

Legal-reference system; information technology; rate-legal base; banks of the legal information; integration of legal bases.

Использование компьютерных технологий для работы с законодательной информацией началось еще во второй половине 1960-х гг. Сначала справочные системы создавались в основном в виде электронных картотек («электронных каталогов»). Так, бельгийская система CREDOC, появившаяся в 1967 г., стала первой в Европе электронной картотекой для компьютерного поиска юридической информации [1;11].

Некоторые юридические электронные картотеки в процессе развития начали работать в диалоговом режиме благодаря сети терминалов в библиотеках и стали широко доступны для всех желающих. Примером такой системы может служить FINLEX, созданная в 1982 г. министерством юстиции Финляндии. Она предназначена для предоставления информации о судебных решениях и судебной практике.

При всех достоинствах электронные картотеки не позволяют знакомиться с полным текстом документов, поэтому более удобны полнотекстовые системы. В 1967 г. в результате соглашения между коллегией адвокатов штата Огайо и фирмой DATA Corp. началась разработка одной из самых известных полнотекстовых справочных правовых систем (СПС) США – LEXIS. С 1980 г. система стала доступна пользователям Великобритании, а с 1985 г. – Австралии. Ежедневно она